

Содержание

Часть первая. ГВОЗДИ ОТ ПОДКОВЫ	9
Часть вторая. ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?	141
Часть третья. ВРАГ МОЕГО ВРАГА.	292
Приложение. ВВЕДЕНИЕ В КЛИОЛОГИЮ	
Часть I. МАТЕМАТИКА ИСТОРИИ	477
Часть II. БИОЛОГИЯ ИСТОРИИ	498

Предисловие

Кто удержится от соблазна подправить историю? Части этой книги первоначально печатались выпусками и в виде отдельной повести. Возникший в результате избыточный текст в настоящем издании удален вместе с некоторыми фрагментами не слишком бессмертной прозы и парой-тройкой лишних прилагательных и наречий. Общенациональная компьютерная сеть будущего «Дэйта-Нет» заменена, естественно, на Интернет. Есть и ряд других изменений в том же роде. Остальное, включая ныне снесенную эстакаду в центре Денвера, оставлено на прежнем месте. Манипулируя историей, надо соблюдать меру.

Заключительное эссе «Введение в клиологию» (бывшее «Введение в психоисторию») добавлено по просьбам читателей, высказанным на различных конвентах по научной фантастике.

Благодарю Стэна Шмидта за публикацию в журнале «Аналог» первоначальных выпусков, повести и статьи, Джима Бейна за первое издание книги, теперь уже давно распроданное, а также Элинор Вуд, которая однажды позвонила и спросила: «А тебе никогда не приходило в голову написать роман?»

*Майкл Флинн
Истон, штат Пенсильвания
2001 г.*

Размышляя о природе общественных наук, нельзя не заметить, что поскольку они, подобно наукам физическим, основаны на наблюдении фактов, то должны следовать тем же самым методам и излагаться на столь же ясном и четком языке, стремясь достичь той же степени достоверности.

Антуан де Карита, маркиз де Кондорсе

Самые причудливые и, на первый взгляд, случайные явления природы представляют собой следствия непреложных всеобщих законов. Люди науки доказали это, терпеливо и неустанно исследуя факты в поисках закономерностей, их объясняющих, и если мы подвергнем подобному анализу события человеческой истории, то имеем полное право ожидать подобных же результатов.

Генри Томас Бокль

Общественные явления, рассмотренные в широких исторических масштабах, напоминают явления физические... Лишь немногим людям, одаренным высшей гениальностью, дано производить изменения в состоянии общества, и даже эти изменения требуют значительного времени, чтобы в полной мере воплотиться в жизнь.

Ламбер Адольф Кетле

Не имея, к моему великому сожалению, возможности участвовать в проекте, начатом мистером Джеймсом Бернулли и посвященном применению учения о вероятностях к экономическим и политическим вопросам, будучи приглашен к оному мистером Николасом Бернулли... я добровольно передаю свои права участия в лучшие руки, желая, чтобы вышеназванный проект осуществил он сам либо его дядя, мистер Джон Бернулли.

Авраам де Муавр

Часть первая ГВОЗДИ ОТ ПОДКОВЫ

Тогда

Дождь хлестал вовсю, выбивая звонкое стаккато по булыжной мостовой, разливаясь реками и океанами. Сквозь водяную завесу были видны лишь смутные очертания домов. Человек стоял на краю тротуара под шипящим газовым фонарем. Вода струилась с широких полей шляпы, текла за шиворот. Теплый дождь не освежал, а только усиливал духоту. Человек, наверное, в сотый раз поддернул кожаный портфель, который удерживал под мышкой. Далеко на юге что-то грохотало — то ли гром, то ли пушки.

Послышался стук копыт. Человек резко обернулся. Нет, всего лишь кавалерийская рота. Всадники один за другим выворачивали из-за угла — подковы высекали искры из булыжника, кожаная сбруя влажно блестела, сабли и шпоры позвякивали, словно украшения арабской танцовщицы.

Кокарды на фуражках удалось разглядеть. Третий Пенсильванский. «Ура!» — крикнул он, подняв руку. Капитан молодцевато отсалютовал в ответ. Всадники один за другим исчезали за пеленой дождя, направляясь к мостам через Потомак. Человек с портфелем задумчиво смотрел вслед. Кто знает, что ждет их впереди? Когда он отвернулся, карета уже подъехала. Ближайшая лошадь, всего в трех футах от него, скосила глаза и шумно всхрапнула. От неожиданности он отшатнулся, ступив прямо в лужу. Кучер, едва различимый на козлах, натянул вожжи, сдерживая упряжку.

Дверца кареты открылась, и Айзек с кислой миной выглянул наружу.

— Эй, Брейди, — проговорил он с резким акцентом янки, — давай залезай. Или тебе нравится мокнуть?

Брейди молча поднялся в карету и сел рядом со стариком. Внутри было сыро, воздух пропах плесенью — как и все в Вашингтоне. Скверный городишко. Прелесть Севера плюс деловитость Юга — лучше не скажешь.

Брейди отряхнул шляпу и вытер лицо платком. Карета рывком тронулась с места.

Он заметил, как Айзек украдкой взглянул на портфель.

— Что, не терпится? — Гнусавое произношение гостя выдавало уроженца Индианы. — Мой поезд пришел два часа назад, могли бы встретиться еще на вокзале.

— Могли бы, — мрачно кивнул Айзек. — Не получилось.

Брейди что-то буркнул и стал смотреть в окно на проплывающие мимо дома, одинаково серые за пеленой дождя. Карета двигалась в сторону Джорджтауна. Грохот колес и дребезжание вдруг сменились вязким чавканьем — лошади ступили на раскисшую грунтовую дорогу.

— Здесь даже улицы еще не замостили.

— Ага. И Капитолий до сих пор без купола. — Айзек взглянул на Брейди и снова отвернулся. — Работы непочатый край.

Брейди ничего не ответил. Некоторое время оба молчали.

— Город просто помешался на шпионах, — снова начал Айзек. — Оно и понятно: слишком много приезжих. На прошлой неделе за мной, похоже, следили. Общество тут ни при чем, но Совет все-таки решил на вокзале не встречаться.

Брейди взглянул на него. В устах янки такие слова звучали почти извинением.

— Ладно, не важно, — вздохнул он.

Айзек наклонился и ткнул пальцем в портфель.

— Да, вот что важно, — произнес он. — Вот это. Скажи, Брейди, только прямо, без экивоков, — все так, как мы думали?

Брейди молча поглаживал кожаную поверхность с холодными металлическими застежками.

— Здесь три недели расчетов, — заговорил он наконец. — Целых три недели, несмотря на машины Бэббиджа. Мы работали круглые сутки — шесть человек в две смены. Пришлось использовать численное интегрирование и кое-что из новой теории Галуа. Потом мы поменялись местами, и каждая команда проверила результаты другой. — Он покачал головой. — Ошибка исключена.

— Тогда он должен умереть.

Брейди резко обернулся к Айзеку. Бледное лицо янки осунулось, на пергаментной коже темнели старческие пятна. Брейди молча кивнул. Айзек прикрыл глаза.

— Ну что ж, — задумчиво проговорил он, словно вглядываясь внутрь себя. — Кое-кого в Совете это порадует. Дэвиса, Мичема... Да и Финеаса — у него фабрики стоят без южного хлопка.

Брейди нахмурился.

— Как они могут ставить личные интересы...

— Нет-нет, они, так же, как и мы, исходят из уравнений. С рабством пора было кончать. С этим согласились все, даже южане. Расчеты ясно показали, что произойдет в ином случае. — Айзек передернулся от воспоминаний. — Вот почему мы... приняли меры. — Лицо старика окаменело. — Теперь они поймут, что это необходимо. — Он открыл глаза и в упор посмотрел на Брейди. — Одни склонятся перед неизбежным с улыбкой, другие — с горечью, какая разница?

— Черт побери, Айзек, этого не должно было случиться! — Брейди шлепнул ладонью по портфелю. Айзек моргнул от неожиданности.

— Не хочешь пачкать руки? Поздно — крови уже и так больше чем достаточно. Война...

— Случайность! Ошибка в расчетах. Победить должен был Дуглас. Он умел договариваться с людьми — покончил бы с рабством, и Юг бы ему еще спасибо сказал! Народный суверенитет и Гомстед-акт — вот все, что требовалось.

— Может быть, — кивнул Айзек, — но Бьюкенен взял и наложил вето на Гомстед-акт — из личной неприязни

к Дугласу. Когда речь идет о действиях личностей, уравнения бессильны. После провала на чарльстонском съезде выборы пошли вразнос, вот республиканцы и...

— Деревенский шут! — сердито бросил Брейди. — Его победа спутала все карты — южане запаниковали и отделились. Но кто мог такое предвидеть? Ему же никогда ничего не удавалось: дважды разорялся, заработал невроз, не прошел в спикеры, не был переизбран, даже в земельное управление не прошел! Два раза пытался выдвигаться в Сенат и один раз в вице-президенты — снова ничего не вышло. Хронический неудачник! Да и президентские выборы проиграл...

— Коллегия выборщиков решила иначе, — заметил Айзек, — и относительное большинство он все-таки получил...

— Этот человек — статистическая аномалия!

— Так вот что тебя на самом деле беспокоит, — усмехнулся Айзек.

Брейди был готов ответить резкостью, однако сдержался и подавленно опустил голову.

— Ладно, что уж теперь... Война была случайностью, но это, — он снова шлепнул по портфелю, — совсем другое дело! Преднамеренное действие, а не просто расчеты.

Айзек спокойно кивнул.

— Покойника вряд ли интересует, преднамеренно его убили или случайно. Так или иначе, сами мы и пальцем не шевельнем. Словечко там, словечко здесь... Вашингтон всегда был душой с конфедератами. Кто-нибудь да возьмется...

— Верно. Тем не менее вина ляжет на нас.

— А как же иначе! Ну и что? Разве ты не давал клятву?

Брейди отвернулся к окну.

— Да, конечно.

Они молча слушали, как колеса месят грязь. По крыше кареты барабанил дождь.

— А если он не умрет?

Обязательно ему надо все знать... Брейди нахмурился.

— Если не получится — что будет тогда? — настаивал Айзек.

Его собеседник вздохнул, поднял портфель и бросил старику на колени.

— Читай сам, там все есть. Пятнадцатая развилка, боковая линия. Мы раздобыли медицинские данные о нем и обо всей семье, включая Анну Рутледж. Его старый деловой партнер Билли Херндон уже давно распускает слухи. Жена явно сумасшедшая, хотя ни у кого не хватает духу сказать это вслух. По крайней мере двое сыновей болезнь унаследовали. Черт! — Брейди зажмурился и сжал кулаки. — Ну и работенка — читать обо всем этом! Хуже не придумаешь. — Он перевел дух и взглянул на Айзека. — Ошибки быть не может — он сойдет с ума еще до окончания второго срока. У него уже бывают... странные сны.

— И тогда вся программа гражданского примирения будет дискредитирована.

— Вот именно. Победят радикалы, возможен импичмент. Оккупация Юга затянется на неопределенный срок, развитие промышленности остановится, что вызовет растущее недовольство белых, беспорядки, расовые погромы и ответные репрессии. Затем, в 1905 году, начнется новый мятеж, который открыто поддержат по меньшей мере две европейские державы. Это тоже следует из расчетов.

Айзек невесело усмехнулся.

— Выходит, надо думать не о том, проливать ли кровь, а сколько и чью.

Брейди мрачно грыз костяшки пальцев, кожа на них была красная, воспаленная. Его спутник задумчиво посмотрел на него, потом отвернулся к окну. Молчание затянулось надолго.

— Тоскливый вечер... — снова заговорил старик, вглядываясь в темноту.

— Не получилась у нас утопия, Айзек.

Старик покачал головой.

— Не все сразу, парень, не все сразу. Рим строился не один день. Наше Общество пока слишком мало, чтобы сдвинуть мир с места, но когда-нибудь мы вырастем. Если, конечно, не сдадимся. — Он устремил на Брейди острый, пронизывающий взгляд. — Подумай о голоде, мировых войнах, оружии, которое будет смертоносней пулеметов

Гатлинга и броненосцев! Все это есть в расчетах, ты сам видел. Не пройдет и ста лет, как появятся снаряды с взрывной силой в двадцать тысяч тонн пироксилина или этой новой штуки, динамита. Господи помилуй! При Питерсберге они заложили всего-навсего восемь тысяч *фунтов* черного пороха. Представь, что будет, если сразу взорвать пять тысяч таких мин! — Айзек тряхнул головой. — Я сам проверял кривые, Брейди, — они растут экспоненциально. Если мы надеемся хоть немного сдержать их, то должны действовать, и немедленно!

В устах Айзека это была целая речь. Брейди взглянул на старика и, повинувшись внезапному порыву жалости, сжал его руку. Айзек опустил глаза на руку, потом посмотрел на Брейди. В этот момент раздался окрик кучера, и карета остановилась перед неказистым кирпичным домом в Джорджтауне. Помолчав немного, Брейди убрал руку и открыл дверцу. Он ступил на подножку, но Айзек остановил его.

— Там есть что-то еще, не так ли, Брейди Куинн?

Ветер задувал дождь внутрь кареты. Брейди отвернулся, избегая испытующего взгляда своего спутника.

— Лучше не спрашивай.

Айзек отшатнулся.

— Что там? — Голос звучал неуверенно, в нем появились страх.

— Айзек, я знаю тебя двадцать лет, ты мне как отец. Пожалуйста, не заставляй меня говорить.

Старик расправил плечи.

— Нет. В нашей работе вся моя жизнь. Это я создал организацию, Брейди. Точнее, мы с Финесом и старый Джед Кроуфорд. Мы прочли то, что Бэббидж писал между строк, и поняли, что можно сделать. Что нужно сделать. Мы просчитали первые десять развилок. Если вы нашли что-то такое... — Он яростно тряхнул головой. — Я должен знать все!

Брейди вздохнул, по-прежнему глядя в сторону. Он знал, что этот момент рано или поздно наступит, и ждал его с ужасом, хотя хорошо понимал — рассказать все равно придется.

— Молодой Карсон разработал новый алгоритм. Основанный, кстати, на детской игре. В общем... Короче, после двадцать девятой развилки все пойдет совсем по-другому.

Айзек в недоумении нахмурился.

— Двадцать девятой? Не понимаю... Все, что после... Нет, не может быть, объясни!

Брейди стал объяснять. Айзек слушал, раскрыв рот. Договорив, Брейди на мгновение прикрыл глаза, затем вышел из кареты и направился к парадной двери. Оглянувшись, он увидел сквозь завесу дождя, что старик плачет.

Теперь

1

Окно совсем заросло грязью. Сара Бомонт оглядела пустую комнату. В углу лежала тряпка. Наверное, тоже грязная, как и все в этом старом доме. Повсюду мышинный помет, паутина, куски отвалившейся штукатурки. Вздохнув, она подошла, взяла тряпку и встряхнула. Из тряпки выпал паук и побежал вдоль стены. Сара с отвращением проводила его взглядом.

— Сколько времени дом пустует?

— Пять или шесть лет. — Деннис Френч, архитектор, простукивал стены, определяя положение несущих балок. Он задержался у двери, осмотрел косяки, провел рукой по наличникам и одобрительно кивнул. — Однако сработано на совесть. Умели строить в те времена, ничего не скажешь.

— Старые добрые времена, — рассеянно проговорила Сара. — Когда женщины знали свое место.

Деннис взглянул на нее.

— Они и сейчас знают. Мест стало больше, вот и все.

Сара рассмеялась. Вернувшись к окну, она провела по нему тряпкой. Грязь не поддавалась — за несколько лет въелась намертво. В конце концов посередине окна удалось расчистить кружок и выглянуть на Эмерсон-стрит.